

УДК 159.923.2

НАРРАТИВ: СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА И ОСОБАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

К.В. Ануфриева

Тверской государственный университет (г. Тверь)

Для современного человека становятся значимыми проблемы осознания уникальности собственного жизненного пути и «режиссуры» его проекта – повести жизни, предполагающей готовность к его изменениям. Популярный сегодня в современных философских и психологических научных кругах нарративистский подход к способам осмысления мира на базе лингвистической методологии дает новый абрис проблемы конструирования и актуализации личностной идентичности и реальности в целом. Уникальность такого взгляда на познание мира и позиционирование человека в нем выражается в том, что всегда существует возможность иного рассказывания истории, с акцентом на иные события, переживания и смыслы. Постоянное изменение социальных связей побуждает нас к трансформации прежней идентичности – проходя через «утрату себя», мы в итоге формируем новую идентичность.

Ключевые слова: *нарратив, дискурс, текст, язык, символические системы, конструкционистская теория, повествовательная идентичность, самопрезентация.*

Проблема осознания возможности конструирования и осмысления личности самой себя посредством нарративизации собственной жизни и окружающей действительности является одной из ведущих в научных трудах, посвященных концепциям теории повествования, где сфера литературы воспринимается как специфическое средство для создания моделей «экспериментального освоения мира».

Понятия текста, дискурса, нарратива, фигурирующие в рамках теории социального конструкционизма, являются центральными в постмодернистских и постструктуралистских философских концепциях, базирующихся на представлениях о языке как основном средстве моделирования реальности, в частности – реальности личного опыта человека. Предпосылкой конструкционистской теории стал «постмодернистский поворот в культуре», в основу которого легли постулаты философии постструктурализма, отраженные в научных трудах Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко и др. Общим источником конструкционистских теорий стала концепция значения слова, употребление которого связано с конкретным видом социальной практики в философии позднего Витгенштейна.

Рассмотрим основные положения конструкционистской теории в нарративном контексте текстуальности мышления.

Конструирование реальности и личности через языковую символическую систему

Социальные миры конструируются с помощью символических систем, центральной из которых является язык. Согласно К. Гергену, социальный конструкционизм начинается там, где бросается вызов концепциям знания как ментального образа. С его точки зрения, знание представлено в лингвистических построениях, а значит, знание – это не когнитивные образования каждого человека, а то, что люди создают совместно [6, р. 90–101]. По мнению Х. Андерсона и Г. Гуллишиана, «язык не отражает природу; язык создает известные нам природы». Следуя этой логике, каждый раз, когда мы говорим, мы создаем реальность. «Вводя идею способности через способность говорить, мы сразу же придаем понятия человеческого действия объем, который оправдывает характеристику “Я” как человека могущего» [4, с. 93]. Примером этого являются так называемые «перформативы» – выражения и глаголы, которые не столько описывают действие, сколько уже являются им. Повседневная жизнь – это жизнь посредством языка, который индивид разделяет с другими членами общества. Весь мир может быть актуализирован в любой момент через язык, в котором сообщества конструируют свое видение мира. По мнению постмодернистов, язык – это интерактивный процесс, а не пассивное получение непреходящих истин. Наш язык говорит нам, как видеть мир и что в нем видеть, социализируя личность в ходе речевой коммуникации.

Не случайно центральное место в конструкционистских теориях занимает понятие дискурса. Согласно теоретикам постмодернизма, субъект не существует вне и до дискурса, а конституируется внутри господствующих в культуре дискурсов. Здесь выделяются две тесно связанные между собой проблемы языкового характера личности и нарративного модуса человеческой жизни как специфичной для человеческого сознания модели оформления жизненного опыта. Способность человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста, представляет собой постмодернистскую трактовку языкового сознания, которое понимается как принципиально нестабильное, динамически подвижное образование, способное существенно видоизменяться в зависимости от того языкового контекста, в котором оно оказывается и который принимает участие в его конструировании. Каждый текст предлагает воспринимающему сознанию конкретную позицию, конституирующую его связность и целостность. При этом текстом может быть и новая жизненная ситуация, прочитывая которую, индивид меняет форму ролевого поведения, чтобы вписаться в социальные нормы.

Поль Рикёр подходит к теме текста, сосредотачиваясь на повествовании как инструменте человеческого самопознания – не может быть самопознания не опосредованного знаками, символами и текстами. Это соотносится с утверждением Рикёра, что человеческое сознание – это не данность, которой мы обладаем, а цель, которую мы преследуем [8, р. 41–43]. Тексты учат нас формировать и осмысливать повесть нашей жизни, как обращаться с временной последовательностью, которой является наша жизнь, выделять в ней рассказы и видеть, таким образом, рассказ о жизни от рождения до смерти. Понимать себя означает быть способным рассказать о себе.

Любые проявления человеческой культуры и деятельности рассматриваются как символический текст, характеризующийся интенциональной структурой двойного значения, где понять означает так истолковать текст, чтобы за одним смыслом увидеть другой, порожденный в ходе самой интерпретации.

Если реальности создаются в языке, то они передаются в дальнейшем в историях, которые мы рассказываем друг другу. Все теории постмодернизма основываются на постулате, что сознание каждого отдельного индивида выстраивается в рамках определенного дискурса и имеет структуру значений, соответствующую структуре значений конкретной культуры. Ввиду ощущаемого теоретиками постмодернизма кризиса понятия личности среди исследователей появились попытки ввести в постмодернистскую концепцию теоретические конструкты, способные решить вопрос о том, каким образом субъект проявляет свою индивидуальность и сам конструирует собственную судьбу. Понятие нарратива – повествования, с помощью которого субъект конструирует свое «Я» и поддерживает свою целостность, стало одним из основных таких конструктов и имеет ключевое значение для становления философии постмодернизма в целом и социального конструкционизма в частности. Рассказывая, человек не только прослеживает последовательность событий, но и интерпретирует ее. Ввиду того, что нарратив является специфической формой дискурса – речи, погруженной в жизнь, он выступает основным компонентом социального взаимодействия, выполняющего функции создания и передачи социального знания, а также самопрезентации индивидов.

Для создания более полной картины представления проблемы можно выделить несколько концепций нарратива:

1. Нарратив как эпистемологическая форма Ф. Джеймсона.

Американский литературовед Ф. Джеймсон предположил, что нарратив – не что иное как особая эпистемологическая форма, организующая способы нашего восприятия действительности: все воспринимаемое субъектом может быть осмыслено только с помощью повествования, т. е. создание нарративов – это присущий человеку способ струк-

турировать окружающий мир, следовательно, этот мир становится доступен субъекту только в виде историй и рассказов о нем [7, р. 16–30].

2. Нарративные модусы Дж. Брунера.

Дж. Брунер выделил два модуса самоосмысления и самопонимания субъекта: парадигматический и нарративный модус. Парадигматический модус основан на абстрагировании конкретного личного опыта индивида от жизненной ситуации. Нарративный модус, напротив, приспособлен для осмысления личного неповторяющегося опыта каждого конкретного индивида. Особенность нарративного модуса самоосмысления состоит в том, что воплощение индивидуального опыта субъекта в форме истории, рассказа позволяет ему осмыслить свой опыт через более широкий контекст, поскольку форма нарратива, выработанная в культуре, уже сама по себе предполагает исторически опосредованный опыт межличностных отношений [5, р. 97–105].

3. Рассказовые структуры личности К. Мюррея.

К. Мюррей предложил жанровую типологию нарративов личности. Основываясь на классификации литературоведа Н. Фрая, Мюррей делит нарративы на комедию, трагедию, романс и иронию. Каждый из этих нарративов имеет свои особенности и сюжетную структуру. Функция нарратива, по Мюррею, состоит в том, чтобы структурировать индивидуальный опыт с помощью социально устоявшихся схем объяснения, конституируя социальную идентичность через предложение и усвоение примерных стереотипов ролевого поведения [10, р. 176–178].

Как отмечает американский социальный психолог и нарратолог Т. Сарбин, индивиду свойственно придавать смысл несвязанным между собой явлениям с помощью «наложения» на них нарративной структуры. Нарратив – это способ организации личного опыта, результатом которой является соединение реальных фактов и вымысла, позволяющее субъекту обосновывать свои поступки и выстраивать каузальные зависимости между жизненными событиями. «Нарративизация» личного опыта способствует укреплению «Я-концепции» и выполняет защитную функцию. Нарративы всегда формируются в процессе социального взаимодействия и изменяются вслед за изменениями соответствующих интеракций [9, р. 3–7].

Поскольку повествование всегда контролируется понятием времени и все события в рассказе выстраиваются в строгой временной последовательности с указанием тех последствий, которые одни действия имели для других, нарратив может быть рассмотрен как один из главных способов организации переживания времени субъектом. Благодаря такому упорядочиванию отдельных событий в нарративе происходит их постижение за счет обозначения целого, которому они принадлежат.

У нарратива прослеживаются три основные характеристики: 1) временная направленность; 2) конструирование в ситуации взаимодействия; 3) отражение значимых жизненных событий. Формальная струк-

тура всех нарративов одинакова. Это некоторая целостность, складывающаяся из начала, середины и конца, которые, как правило, соединены между собой посредством каузальной связи. Благодаря такой связи нарратив становится не простой совокупностью элементов (событий, ситуаций), а принципом их конфигурации. Таким образом, в наиболее общем виде нарратив может быть определен как организованное во временной последовательности повествование субъекта об актуальных жизненных событиях, осуществляемое в процессе межличностного взаимодействия.

Все культуры содержат определенный и достаточно устойчивый набор текстов, подлежащий обязательному транслированию от поколения к поколению. Конструирование нарративов является, с одной стороны, механизмом идентификации и самоосмысления, а с другой стороны, предоставляет субъекту ресурсы для самопрезентации и выступает в качестве фундаментального компонента социального взаимодействия, соединяющего субъекта с культурой, с другими людьми.

Формы нарративов, закрепленные в культуре, являются прототипами, на основании которых субъект осознанно или неосознанно выстраивает свои собственные жизненные истории. В этих «культурных» нарративах уже заложены основные оценки, данные им культурой. Индивид примеряет на себя существующие или создает новые истории, назначением которых является систематизация его жизненного опыта, с учетом оценки тех нарративных схем и дискурсов, которые существуют в культуре.

Основные принципы нарративного подхода к позиционированию личности и восприятия им окружающей действительности могут быть выражены следующим образом:

1. Главной особенностью осмысления субъектом окружающего мира и самого себя является его склонность к упорядочиванию всех жизненных фактов в форме историй, нарративов. Нарратив позволяет субъекту получить непротиворечивую картину мира и своего «Я», так как нарративная структура, «наложенная» на множество ситуаций и фактов, формирует последовательность событий, связанных между собой каузальными зависимостями и выстроенных в определенной временной последовательности.

2. Любая культура состоит из определенного набора дискурсов, в которых закреплены смыслы и значения, характерные для данной культуры. Также культура содержит некоторые закрепленные повествовательные структуры (нарративы), к которым в процессе социализации приобщается развивающийся субъект.

3. Нарратив формируется в процессе взаимодействия. «Я» конституируется именно посредством социальных отношений, является функцией от этих отношений, и взаимодействие играет здесь центральную роль.

Тексты представляют человеческую жизнь как поле возможностей – наше потенциальное будущее, которое текст способен пробудить, предлагая альтернативные способы видения мира и себя в нем. Находясь внутри рассказа, мы можем попробовать новые состояния личности, новые цели и виды деятельности через способность рассказа отпустить читателя и показать, что мир может выглядеть иначе. Для Рикёра быть свободным означает увидеть другие возможности для собственной жизни [8, р. 53]. Его концепция «надежды», которую текст дает личности, должна сопровождаться требованием обязать читателя использовать все богатства текста и не прятаться в рамках одного жанра или области. Текст – это ключевой ресурс для человеческих открытий и познания.

Концепция «Я» – концепция нарратива («Я» в нарративном модуле)

Постмодернистская традиция и концепция социального конструкционизма рассматривают субъекта как продукт взаимодействия дискурсов – социального взаимодействия. Особенность публичности состоит в том, что индивид разделяет ее с другими. Сама обстановка публичности оказывается определенной средой, в которой формируется и конструируется «Я» субъекта [2, с. 29–30]. Сконструированная в процессе взаимодействия идентичность несет в себе как отражение культурных и социальных норм, так и отражение субъективного взгляда индивида на свою собственную историю. Таким образом, процесс выстраивания нарратива объединяет реальность «истинного Я» субъекта и реальность его «публичного Я». Устоявшиеся нарративы личности содержат в себе два модуля существования «Я»: публичный модуль, в большей степени подверженный изменениям, который контролируют и за которым наблюдают, и личный модуль – те персональные характеристики, с которыми, декларирует он это публично или нет, субъект непременно отождествляет себя. Желаемый образ «Я», который субъект стремится создать у партнеров по взаимодействию, пересекается с тем реальным образом «Я», который конструируется в процессе создания нарратива.

Это означает, что конструкционистская теория предоставляет новые ресурсы для интерпретации феномена самопрезентации. Нарратив может быть рассмотрен в определенных ситуациях как одна из техник самопрезентации. Субъект регулярно рассказывает другим о событиях, происходящих в его жизни, и часто одной из целей таких рассказов является именно создание у окружающих определенного впечатления о себе. Специфика процесса формирования нарратива такова, что наряду с реализацией определенных мотивов (мотив власти, мотив поддержания позитивного образа «Я») он может способствовать реализа-

ции таких мотивов, как мотив самоконструирования, самопонимания или мотив поиска смысла.

Самопрезентация как нарратив затрагивает процесс управления впечатлением для реализации конкретных целей в межличностном взаимодействии, процессы конструирования идентичности субъекта и сглаживания противоречий между его публичным и личным «Я». Процесс самопрезентации может включать в себя, наряду с использованием самоописаний, демонстрацией своих аттитюдов и других техник, рассказывание историй о себе, содержащих выстроенный во временной последовательности набор ситуаций и событий жизни, т. е. нарративов.

По мнению А. Макинтайра, являясь частью человеческого общества, играя роли одного и более характеров – роли, которые лишь очерчены, мы должны понять, как другие реагируют на нас и как нам реагировать на них. Очевидным становится то, что, лишаясь историй, мы остаемся без сценария крайне неуверенными в своих действиях и словах. А. Макинтайр утверждает, что «не существует другого способа понимания любого общества, включая наше собственное, кроме освоения множества историй, которые составляют исходный драматический ресурс общества» [3, с. 289]. Из этого следует, что быть субъектом нарратива, простирающегося от рождения до смерти, – значит быть постижимым для действий и опыта, которые составляют нарративуемую жизнь – «Я есть часть их историй, как они есть часть моей истории», что отражает, в некоторой степени, идею интертекстуальности Ю. Кристевой. Нарратив некоторой жизни – это часть множества взаимосвязанных нарративов.

«И вправду, как субъект... мог бы этически квалифицировать собственную жизнь, если бы эту жизнь нельзя было бы свести воедино в форме рассказа?» [4, с. 100]. Макинтайр, проследившая все уровни нарративизации повседневной практики, вводит понятие «повествовательного единства жизни» – единство личности возможно обрести в единстве нарратива, который увязывает воедино жизнь от рождения до смерти. С его точки зрения, только идея собирания жизни в форме рассказа может послужить опорой нацеленности на «благую» жизнь. Присущее человеку чувство «собственного континуитета» основывается исключительно на континуитете, порождаемом самим субъектом в процессе акта «самоповествования» [3, с. 291]. Стабильность этого автонарратива поддерживается стабильностью системы социальных связей индивида с обществом, к которому он принадлежит.

Являясь соавторами наших нарративов, мы входим в стадию, которую мы не запроектировали, и обнаруживаем себя частью действия, которое не является продуктом нашего действия. «Каждый из нас, будучи главным характером своей собственной драмы, играет подчиненную роль в драме других, и каждая драма ограничивает этих других», что означает – мы всегда находимся в условиях некоторых ограничений

социальных дискурсов [3, с. 288]. Нарратив здесь выступает как средство для создания моделей экспериментального освоения мира, модель «руководства к действиям». По мнению Дж. Брунера, нарративное понимание несет на себе всю тяжесть жизненного контекста и является наилучшим средством для передачи человеческого опыта. Обращение к семиотическим ресурсам «дискурсивного самообъяснения дает возможность с помощью объяснительной речи скоординировать воображаемые проекты своего «Я» [10, р. 97]. Я-сам ищет свою идентичность во многих повествованиях в масштабах целой жизни. Повествование строит идентичность рассказываемой истории, которая создает идентичность персонажа. «Без повествовательной идентичности проблема личной идентификации не может быть решена; в противном случае мы полагаем, что субъект всегда идентичен самому себе, либо считаем самоидентичность субъекта субстанциалистской иллюзией» [1, с. 184].

Равно как наше сознание не существует вне языка, человек не существует вне повествования. От рождения мир дан нам в форме нарративов. По такому же образу и подобию мы описываем и свою жизнь для себя (рефлексия над способностями, которые в совокупности рисуют портрет человека) и для других – в форме некоторого повествования, имеющего начало и конец, сюжетные линии, причины и следствия. Реальность порождается описанием и живет в рамках сообществ, разделяющих эти описания. Уникальность такого взгляда на познание мира и позиционирование человека в нем выражается в том, что всегда существует возможность иного рассказывания истории, с акцентом на иные события, переживания и смыслы. Постоянное изменение социальных связей побуждает нас к трансформации прежней идентичности – проходя через «утрату себя», мы в итоге формируем новую идентичность.

Список литературы

1. Вдовина И.С. Памяти Поля Рикера // Вопросы философии. 2005. №11.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.; Екатеринбург, 2000.
4. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина. М., 2010.
5. Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, 1986.
6. Gergen K. J. An Invitation to Social Construction. London, 1999.
7. Jameson F. The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. Ithaca, 1981.
8. Ricoeur P. From Text to Action: Essays in Hermeneutics, II. Evanston, II, 1991.

9. Sarbin T. R. Narratology as a root metaphor in psychology // Narrative psychology: The storied nature of human conduct / ed. by T.R. Sarbin. New-York, 1986.
10. Texts of identity / ed. by J. Shotter, K.J. Gergen. London, 1989.

NARRATIVE: THE WAY OF REALITY INTERPRETATION AND THE SPECIFIC FORM OF HUMAN EXISTENCE

C.V. Anoufriyeva

Tver State University (Tver)

Today, the awareness of a uniqueness of life way and human self-projection (life story) become the significant issues for a person. A popular narrative approach to understanding the world on the basis of linguistic methodology provides a new outline of personal identity and reality designing and updating. The uniqueness of such world cognition and the person positioning is expressed in the fact that there is a possibility of another storytelling with an emphasis on certain events, feelings and meanings. A constant change of social relations leads us to the transformation of an old identity - going through «self-loss» we form a new identity.

Key words: *narrative, discourse, text, language, symbolic systems, constructionist theory, narrative identity, self-presentation.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – аспирантка кафедры филологии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: carina-oops@mail.ru